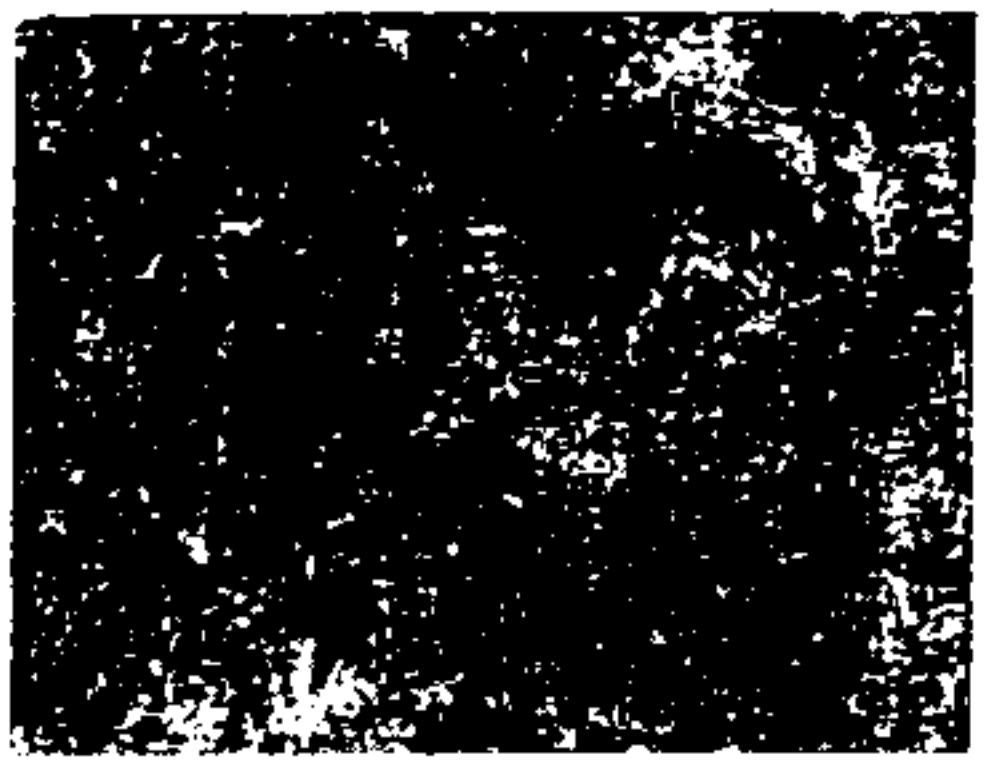

РАЗСУЖДЕНИЕ

Т 33 С
71

О

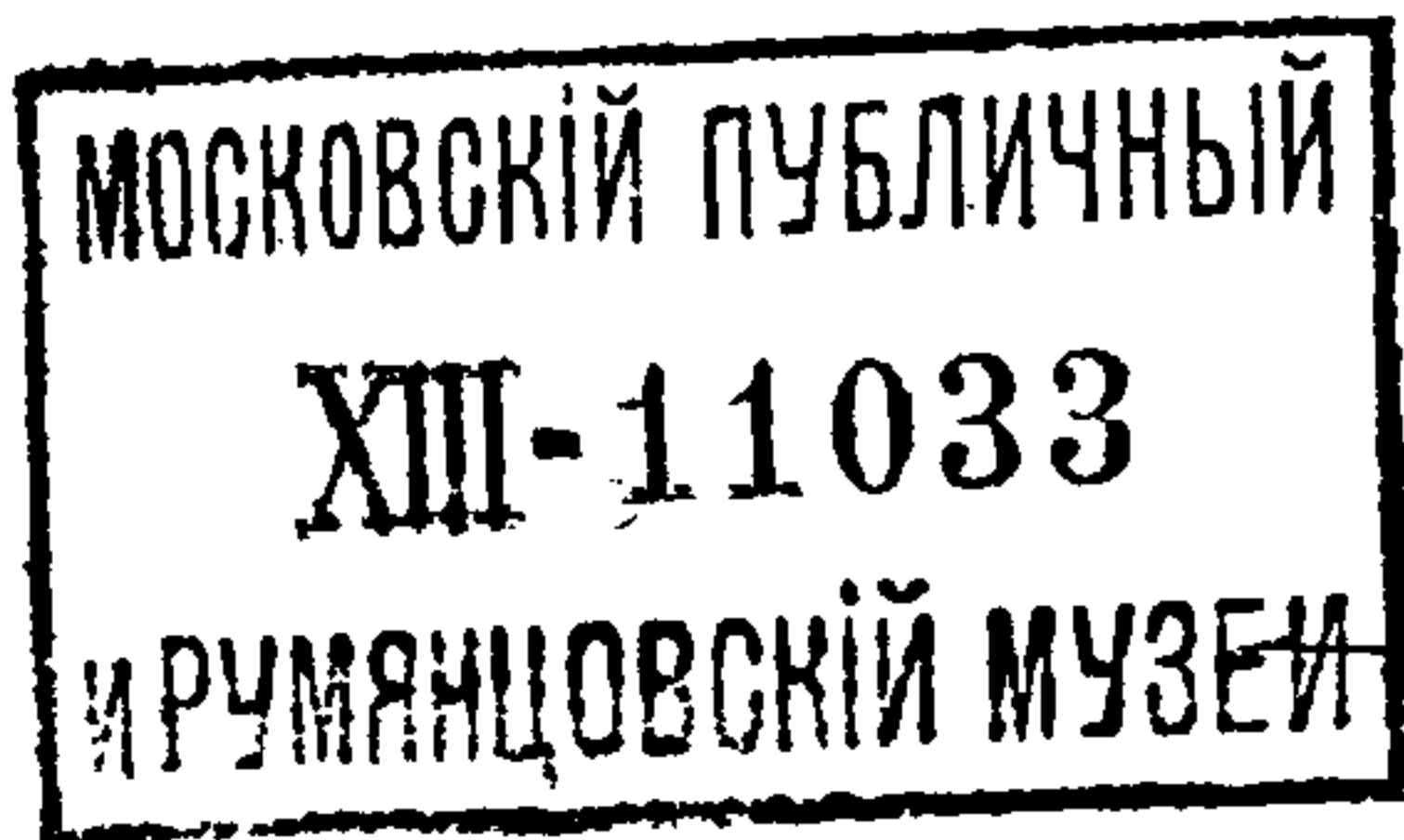
ФИЛОСОФИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

У ДРЕВНИХЪ,

сочиненное

для получения степени Доктора Законовѣдѣнія

Константиномъ Неволнымъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

Печатано съ одобренія Юридическаго Факультета при Императорскомъ
Санктпетербургскомъ Университетѣ.

РАЗСУЖДЕНИЕ

О ФИЛОСОФІИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

У ДРЕВНИХЪ.

В в е д е н і е.

§ 1.

Разнообразіе Законовъ человѣческаго общества, кажется, не имѣетъ никакихъ предѣловъ. На одной и той же полосѣ земли Государства одно за другимъ непрерывно возникаютъ и исчезаютъ во множествѣ. Сколько великихъ Державъ видѣла Азія въ своихъ нѣдрахъ? сколько насчитывалъ Греческихъ Республикъ сынъ Греціи во времена ея славы? кто исчислитъ всѣ тѣ, болѣе или менѣе независимыя, Владѣнія, на которыя въ Среднихъ вѣкахъ дробились Италія, Германія и другія земли Христіанскія? И однако, каждое Государство для каждой стороны своей жизни, какъ для союза государственнаго, такъ и для гражданскаго, какъ для учрежденія того и другаго, такъ и для охраненія, имѣетъ свои особенные законы, и не только имѣетъ, но еще, по требованію обстоятельствъ, скорѣе или медленнѣе измѣняетъ ихъ, уничтожаетъ одно, вводитъ вновь другое, прибавляетъ, убавляетъ что нибудь въ старомъ, такъ что въ одномъ и томъ же народѣ въ разныя времена его бытія дѣйствуютъ Законы, совершенно отличные одни отъ другихъ.

Посреди безконечнаго разнообразія и непрестанныхъ измѣненій Философія покушается открыть необходимое, простое, всегда себѣ равное. При изложеніи началъ всякаго бытія она простираетъ мысль свою и на область Законодательства, и достигши до понятія Правды и Справедливости, слѣдитъ сіе понятіе въ существенныхъ его видахъ: разсуждаетъ о существѣ правъ и обязанностей, о существѣ закона, о происхожденіи между людьми общежитія и законовъ, наконецъ о раздѣленіи законовъ по главнымъ ихъ родамъ и видамъ, и о существенномъ въ каждомъ родѣ и видѣ.

Между тѣмъ Философія Законодательства подлежитъ, по видимому, той же судьбѣ, какой и Законодательство: о Правдѣ, Справедливости Философы такъ же думаютъ различно, какъ и о всѣхъ другихъ вещахъ; были даже люди, которые, присвоивъ себѣ названіе Философовъ, утверждали, что нѣтъ ничего въ себѣ самомъ справедливаго, а все такъ называемое справедливое есть только человѣческое установленіе.

Но Философія, въ историческихъ ея изслѣдованіяхъ, показываетъ также и взаимное согласіе мужей, которые по достоинству носятъ на себѣ имя любителей мудрости. Не смотря на разныя заблужденія, истина въ теченіи вѣковъ сохраняется неизмѣнно; не смотря на всѣ отклоненія отъ прямого пути, на всѣ остановки въ умственныхъ упражненіяхъ, новыя открытія все болѣе и болѣе расширяютъ для насъ кругъ познаній.

§ 2.

Мы предполагаемъ начертать *Исторію древней Философіи Законодательства*. Взглядъ Древнихъ на предметы Законодательства для многихъ новѣйшихъ остается неизвѣстнымъ. Но онъ такъ же примѣчательнъ, какъ и все древнее: религія, искусство, наука, жизнь частная, общественная. Не понявши древней Философіи Законодательства, не лзя понять вполнѣ самаго Законодательства древнихъ народовъ: одно тѣсно связуется съ другимъ. Не зная того, какъ судили древніе Философы о разныхъ предметахъ Законодательства, едва ли можно уразумѣть и ученіе Философовъ нашего времени о законахъ:

древнее и новое образуетъ въ семь случаевъ только части одного цѣлаго; многія мысли древней Философіи и теперь выдержатъ самую строгую критику; многія стоятъ по крайней мѣрѣ того, чтобъ точнѣе опредѣлить ихъ.

§ 3.

Древній міръ составляютъ: *міръ Восточный, міръ Греческій, міръ Римскій.*

Мракъ, долгое время скрывавшій отъ насъ образованіе Восточныхъ народовъ, начинаетъ мало по-малу разсѣваться; но онъ еще не совсѣмъ разсѣянъ; въ особенности, древнѣйшія Философскія системы, напр. Китайцевъ, Индѣйцевъ, остаются доселѣ еще темными. Посему настоящее наше Разсужденіе не коснется древнѣйшей Восточной Философіи.

Греческая Философія, напротивъ, вѣрными и подробными изысканіями уже доведена до нарочитой степени ясности. Получивъ первое свое образованіе отъ странъ Восточныхъ, Греки дали ему новое, дальнѣйшее движеніе, какъ въ прочихъ Наукахъ и Искусствахъ, такъ и особенно въ Философіи. Однажды почувствовавши любовь къ умозрѣніямъ, они не только сами сохранили ее до конца всего древняго міра, но и сообщили ее другимъ народамъ своего времени. И такъ разсуждая о Философіи Законодательства у Древнихъ, мы по справедливости можемъ смотрѣть на *Греческую Философію*, какъ на *средоточіе*, въ коемъ соединяются и лучи Востока и лучи Запада, и древней Индіи и Рима.

§ 4.

Древняя Философія, при соблюденіи предѣловъ, нами описанныхъ (въ § 3), раскрывается въ *трехъ періодахъ*. I. Природа въ ея разнообразныхъ частяхъ и въ ея величественномъ цѣломъ есть первое, что представляется уму, какъ скоро онъ начнетъ размышлять, первое, что поражаетъ его; по тому и самая первая Фил-

лософія есть Философія Натуры: Періодъ *отъ Талеса до Сократа*. II. Сократъ указываетъ людямъ на ихъ собственный, внутренній міръ, какъ на важнѣйшій предметъ и источникъ познанія, и полагаетъ основаніе Философіи Нравовъ: Періодъ *Философіи Сократической*. III. Когда среди сихъ изслѣдованій умъ весь углубился въ себя самого, то въ соединеніи съ Восточными преданіями онъ образуетъ въ своей внутренности новый, умственный міръ, созрѣлый плодъ всей древней Философіи: Періодъ *Философіи Греческой между Восточными народами*; при переходѣ въ него оказывается и *участіе Римлянъ* въ Греческой мудрости (а).

§ 5.

Для Философіи Законодательства не всѣ періоды имѣютъ одинаковую важность и значеніе. Цвѣтушія времена ея относятся къ самой срединѣ, ко временамъ *Платона* и *Аристотеля*. Переходъ къ послѣднему періоду знаменуетъ особенно *Цицеронъ*. Напротивъ въ первомъ періодѣ очищается только почва для основы философскаго зданія законовъ; будучи воздвигнуто во второмъ, оно только усовершенствуется въ третьемъ.

(а) Вообще для Исторіи древней Философіи см. Tennemann's Geschichte der Philosophie, Band I—VI; Ritter's Geschichte der Philosophie Theil I—III. Hamburg; 1829, 1830, 1831. Hegel's Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie, Band I und II. Berlin. 1833.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ:

Отъ Валеса до Сократа.

§ 6.

Изслѣдованія о законахъ были у Грековъ предметомъ *Политики*. Какъ названіе особенной Науки, это имя означало Науку о Государствѣ, Науку о томъ, какъ его устроить и какъ имъ управлять. По тѣсной связи, въ какой у Грековъ находились жизнь публичная и частная, Политика содержала въ себѣ также правила и для сей послѣдней. Относительно формы различались въ Политикѣ двѣ части: одна, подъ именемъ *πολιτεία*, опредѣляла въ Государствѣ образъ правленія, и вообще устройство всѣхъ властей, куда естественно относились также изысканія о цѣли, сущности, происхожденіи и сохраненіи Государства; другая, подъ именемъ *νόμοι*, излагала законы, или лучше, правила и начала, коими должны руководствоваться Государственныя Власти при отправленіи своихъ должностей, каждая въ своемъ кругѣ, и здѣсь-то встрѣчались сами собою и законы для частной жизни. Нельзя опредѣлить съ точностію, когда и какъ составилось такое понятіе о Политикѣ. Во времена Софистовъ, у Платона, Аристотеля мы находимъ его какъ общеизвѣстное (а).

Государство у Грековъ составляло не болѣе, какъ городъ съ его округомъ, и однимъ и тѣмъ же словомъ: *πόλις*, означались у нихъ и Государство и городъ. Такія-то небольшія Государства обыкновенно имѣютъ у себя въ мысляхъ Греческіе Писатели, когда разсуждаютъ о предметахъ Политики.

§ 7.

Тогда, какъ Греки только лишь начали заниматься Философіею, изслѣдованія объ основаніяхъ Законодательства совсѣмъ не были для нихъ *потребностію*. Сознаніе вѣчныхъ законовъ Правды дѣйствовало

(а) 1) Plato Protag. p. 318 и 319. Ср. ниже §§ 16 и 52.—2) Plato de leg. V, p. 735; VI, p. 751; Aristot. Polit. II, 5. § 2; 9. § 1; IV, 1. §§ 5 и 6.

въ нихъ съ полною живостію природнаго чувства. Это время есть конецъ знаменитаго періода Законодателей; этому времени особенно принадлежатъ мужи, прославившіеся въ древности своею практическою мудростію, и между ними, такъ называемые, семь Мудрецовъ. Греческій народъ, для пополненія, объясненія древнихъ своихъ законовъ, получилъ законы отъ людей; но тѣмъ не менѣе онъ не переставалъ еще вѣрить, что источникъ Законодательства скрывается въ нѣдрахъ Божества.

§ 8.

По самому *свойству изысканій*, какимъ предалась Философія въ первомъ своемъ періодѣ, предметы Законодательства лежали внѣ ея круга. Задачею для нея было понять происхожденіе міра. Прежде всего Іонійскіе Философы хотѣли найти вещество, изъ коего образовалась вселенная. Пифагоръ обращаетъ особенное вниманіе на форму вещей, и, дѣлая числа началами ихъ, производитъ все разнообразіе изъ того, по какой системѣ число тамъ или здѣсь вещество расположено. Элеатики, Гераклитъ и Атомисты ищутъ, хотя напрасно, причины движенія, причины, заставляющей матерію принимать опредѣленную форму. Анаксагоръ вводитъ въ физическія изслѣдованія понятіе цѣли, и когда по сему совершенно открылось, что матерія сама по себѣ есть неустроенна и безсильна, то онъ объявилъ, что въ мірѣ, какъ благоустроенномъ цѣломъ, владычествуетъ Высшій Умъ, который движетъ и устрояетъ матерію по своимъ цѣлямъ. Такъ была наконецъ указана истинная причина бытія міра; но вмѣстѣ съ симъ Философія, переставши быть только Философіею Натуры, переступила на другую ступень въ лицѣ Сократа.

Ясно, что при подобномъ направленіи духа нравственность не могла занять значительнаго мѣста въ умозрѣніяхъ. Она основывается на свободной волѣ; а эта сила въ вещественной природѣ не извѣстна.

Въ изслѣдованіяхъ о предметахъ Законодательства первое мѣсто принадлежитъ вопросу о *предустановленіи* *человѣка на землѣ*. Въ семъ отношеніи у Философовъ разсматриваемаго нами періода находимъ понятія еще довольно темныя. Такъ, изъ Іонійцевъ, Анаксимандръ, восходя къ началу, отъ коего произошли вещи въ ихъ отдѣльной разнообразности, полагалъ, что нѣкогда всѣ онѣ въ нераздѣльной совокупности существовали въ безконечномъ, но потомъ какимъ-то своеволіемъ и неправдою отторглись отъ него, за что въ раздробленномъ ихъ бытіи онѣ терпятъ соразмѣрное наказаніе и не иначе возвращаются къ жизни всецѣлой и первобытной, какъ изгладивъ вину свою (а). По ученію Пифагорейцевъ душа находится въ тѣлѣ, какъ во гробѣ, въ наказаніе за ея преступленія (б). Изъ Элеатиковъ Парменидъ называетъ самое рожденіе человѣка происшествіемъ печальнымъ, и говоритъ: „Богъ посылаетъ души то изъ свѣта во мракъ“ провождать земную жизнь, „то обращаетъ ихъ паки изъ мрака ко свѣту (в).“ По словамъ Гераклита, рожденіе есть уже для человѣка несчастіе, ибо это есть только рожденіе для смерти (г). Наконецъ Анаксагоръ, въ удаленіи отъ жизни публичной хотѣлъ лучше заниматься науками и созерцаніемъ чудеснаго порядка природы, взирая на сіе занятіе какъ на истинную и единственную цѣль жизни (д).

Отъ вопроса о земномъ назначеніи человѣка Пифагорейцы поступили далѣе. Они начали изслѣдывать, что есть *Правда*. Правда, по ихъ опредѣленію, есть число равнократно равное ($\alpha\rho\iota\theta\mu\acute{o}\varsigma\ \acute{\iota}\sigma\acute{o}\chi\eta\varsigma\ \acute{\iota}\sigma\omicron\varsigma$) или воздаяніе равнаго за равное ($\alpha\nu\tau\iota\mu\epsilon\tau\epsilon\omicron\upsilon\theta\omicron\varsigma$). Обыкновенно, по примѣру Аристотеля, берутъ слова сіи въ томъ смыслѣ, по коему причинившій зло другимъ, самъ подвергается отъ людей тому же злу: напр. убившій человѣка, и самъ безъ всякихъ уваженій убивается; выткнувшій глазъ у другаго, и самъ лишается глаза (е). Но они въ

(а) Simpl. Phys. fol. 6 a.—(б) Philol. ap. Clem. Alex. Strom. III, p. 433.—(в) Simpl. Phys. fol. 9. a.—(г) Clem. Alex. Strom. III, p. 432, 434.—(д) Diog. Laërt. II, 10; Clem. Alex. Strom. II, p. 416.—(е) Arist. Eth. Nic. V, 5; Eudem. IV, 3; Magn. I, 2; 33.

связи съ представленіями Пифагора о безсмертіи души и Правосудіи Божественномъ могутъ имѣть еще то глубокое значеніе, что Правда Божія, поставляя каждого человѣка въ отношенія, гдѣ ему въ свою очередь по необходимости воздается и добро и зло, имъ содѣянное, каждого такимъ образомъ награждаетъ и наказываетъ по дѣламъ его, если не въ сей жизни, то въ будущей (а).

О существѣ Законовъ встрѣчаются нѣкоторыя мысли у Гераклита. Онъ въ духѣ древней Греческой религіи утверждалъ, что всѣ человѣческіе законы истекаютъ отъ Божества, которое одно державствуетъ, всѣхъ довольствуетъ и все препобѣждаетъ (б). Отсюда, такъ какъ все, что ни происходитъ, происходитъ по наилучшему Божественному закону, и не можетъ происходить иначе, для Гераклита ничто не было столько ненавистно, какъ высокомерная непокорность законамъ, между тѣмъ какъ, по его ученію, быть довольну существующимъ порядкомъ дѣлъ, для человѣка есть высочайшее благо, высочайшая мудрость и добродѣтель (в).

§ 10.

Но уже Ксенофанъ, основатель школы Элеатской, говорилъ съ неуваженіемъ о богахъ религіи отечественной, — религіи, съ которою у Грековъ столь тѣсно связывалась вся жизнь общественная.

Въ ученіи *Атомистовъ*, именно *Демокрита*, *Натуральная Философія* превращается въ совершенное безбожіе, а нравственность въ настоящій эгоизмъ, разрушительный для общества. Почитая верховнымъ добромъ человѣка спокойствіе духа (*εὐθυμία, εὐεστία*), невозмущаемое никакимъ сердечнымъ движеніемъ (г), Демокритъ не могъ оставить безъ порицанія ни одного изъ тѣхъ Установленій, коими зани-

(а) Cf. Plato de rep. X, p. 615—616; Tim. p. 90—91. — (б) Stob. Sermon. III, 84. —

(в) Diog. L. IX, 2; Clem. Alex. Strom. II, p. 417; Stob. Sermon. 83 et 84. — По свидѣтельству Аристотеля, Ипподамъ Милетянинъ, современникъ Перикловъ, былъ первый изъ людей, никогда не занимавшихся управленіемъ Государства, который вздумалъ составить идеаль Государства. Въ подобномъ родѣ писалъ Фалей Халкидонянинъ, упоминаемый также Аристотелемъ. См. Arist. Polit. II, 4—5. Не видно, чтобъ тотъ или другой изъ сихъ идеаловъ обязанъ былъ своимъ происхожденіемъ Философскому умозрѣнію. — (г) Diog. Laërt. IX, § 45; Stob. Ecl. II, p. 74—76; Clem. Alex. Strom. p. 417. а.

мается мудрость Законодательная: ни брака, ибо удовольствія брачной любви сопровождаются сильнымъ потрясеніемъ души и тѣла; ни союза дѣтей и родителей, ибо воспитаніе дѣтей влечетъ за собой множество непріятностей; ни любви къ отечеству, — для мудраго весь міръ есть отечество, и для собственнаго душевнаго спокойствія мудрый не долженъ гоняться за почестями; вообще наконецъ, повиноваться Законамъ, не дѣлать несправедливости, человекъ, по мнѣнію Демокрита, долженъ только для того, чтобъ не быть въ страхѣ, ожидая наказанія, и не имѣть прискорбныхъ воспоминаній (а). Послѣ сего до дерзкой отваги Софистовъ оставался одинъ только шагъ.

§ 11.

Мы видѣли, какъ Анаксагоръ для объясненія бытія міра, долженъ былъ предположить бытіе Ума Божественнаго, дѣйствующаго по намѣренію; но онъ не означилъ съ точностію сего намѣренія. Что это за Умъ? Гдѣ и какъ онъ дѣйствуетъ? Здѣсь начинаются мечты и блужденіе Софистовъ: по ихъ мнѣнію, Умъ сей есть самъ человекъ, или самъ человекъ есть мѣра всѣхъ вещей; предметы не сами въ себѣ хороши или худы, красивы или безобразны, истинны или ложны, а отъ того, что разумъ, субъектъ, дѣлаетъ и находитъ ихъ таковыми. И вотъ знаменитое Начало *Софистовъ*, такъ называемое начало субъективности!

Сообразно субъективному началу, вниманіе Философіи обращено теперь главнымъ образомъ на предметы, непосредственно касающіеся человека—на Политику, Законы, Нравы. — Софисты хотѣли учить людей Политикѣ—наставить ихъ въ томъ, какъ управлять дѣлами домашними и Государственными. (б) Къ сему присоединялось само собою обученіе Искусству Краснорѣчія. Но въ то же время, при изслѣдованіи основаній человѣческаго общества, Софистамъ не представлялось здѣсь ничего выше собственныхъ цѣлей каждаго человека, взятаго ло-

(а) Stob. Serm. IV, 77, 78, 82; X, 37; XVII, 29; XX, 56; XXXVIII, 47; XL, 7; LXXVI, 13, 15, 16; Clem. Alex. Strom. II, p. 421. — (б) Plato Protagor. p. 316—318.

рознь: каждый человекъ есть самъ для себя мѣра всего. Такимъ образомъ, Наука, которую преподавали Софисты, была собственно искусство во всемъ достигать своихъ частныхъ видовъ. Но чтобъ умѣть все направлять къ своей частной выгодѣ, какъ въ домашнихъ, такъ и общественныхъ дѣлахъ, для сего надобно знать вещь со всѣхъ сторонъ — съ хорошихъ и худыхъ, дабы говорить и дѣйствовать какъ въ пользу, такъ и противъ извѣстнаго предмета, какъ пользоваться имъ для себя, такъ и употреблять его ко вреду другихъ. И такъ Софисты учили разсматривать вещи съ разныхъ сторонъ. При сличеніи разныхъ отношеній другъ съ другомъ, естественно, открывались между ними противорѣчія. Софистика учила все доказывать и все опровергать, запутывать другихъ въ ихъ собственныхъ понятіяхъ, и торжествовать въ хитросплетеніяхъ. Предъ Діалектикою, по мнѣнію Софистовъ, ничто не можетъ устоять; только одинъ тотъ человекъ, который играетъ всѣми другими, который всѣхъ очаровываетъ, одинъ только онъ пребываетъ неподвижнымъ самъ для себя.

Въ ближайшемъ приложеніи сихъ понятій къ Законамъ, къ Государству, Софисты держались тѣхъ же правилъ. Они допускали бытіе справедливости въ самой себѣ (*δικαιον φύσει*); но, по ихъ словамъ, сія справедливость состоитъ не въ томъ, что обыкновенно означается симъ выраженіемъ, а въ томъ, чтобъ лучшій, т. е. сильнѣйшій, имѣлъ во всемъ преимущество предъ слабѣйшимъ, однимъ словомъ, въ правѣ сильного. „По этому закону поступаютъ между собою всѣ животныя, всѣ государства и народы; такъ и всегда бываетъ на самомъ дѣлѣ (а).“ Этому своему естественному праву Софисты противопоставляютъ справедливое въ обыкновенномъ смыслѣ, по общимъ понятіямъ людей, и основаніемъ послѣдняго почитаютъ только человеческія постановленія — Законъ положительный (*δικαιον νόμῳ*). Но почему же люди обыкновенно называютъ Справедливымъ нѣчто со всѣмъ отличное отъ права естественнаго? для чего вводятъ они у себя такіе законы? На сей вопросъ Софисты ищутъ отвѣта въ слабости челове-

(a) Plato Gorg. p. 483—484.

ской. „Дѣлать несправедливость“ — говорятъ они — „это есть прекрасное дѣло, подвергаться несправедливости—дурное. Но послѣднее болѣе заключаетъ въ себѣ зла, нежели сколько первое—добра. И такъ, когда люди довольно причинили другъ другу несправедливостей и сами взаимно потерпѣли, то, вкусивъ того и другаго, послѣ сего тѣ изъ нихъ, которые не могли всегда избѣгать одного и только имѣть другое, согласились лучше между собою—не дѣлать другъ другу несправедливости, дабы и съ своей стороны не подвергаться ей, и стали для того начертывать законы, заключать договоры, и предписываемое закономъ называть законнымъ и справедливымъ (а).“ Впрочемъ и сіи договоры, условія, въ глазахъ Софистовъ, не связываютъ сильнаго; если онъ имѣетъ довольно силы поправить законы, то—его воля. И вообще въ Государствѣ, по ученію Софистовъ, владычество силы вполне остается, такъ что и обыкновенно такъ называемое справедливое или законное есть только полезное для сильнѣйшихъ; ибо сильнѣйшіе въ Государствѣ всегда издають законы для собственной выгоды (б).

Ясно, что по сему ученію нѣтъ Государства. Государство въ томъ видѣ, какъ его представляютъ себѣ Софисты, есть только приведенное въ систему насиліе, самое несправедливое господство сильнѣйшихъ надъ слабѣйшими; между гражданами нѣтъ ничего общаго; существуютъ только притѣснители и притѣсненные; каждая сторона и въ ней каждое лице заботится только о своихъ выгодахъ, только дотолѣ властвуя или рабствуя, доколѣ одни обладаютъ нужною для того физическою силою, а другіе пребываютъ безсильны.

(а) Plato de rep. II, p. 358—359.—(б) Ibid. I, p. 338—344.—Мы не почитаемъ нужнымъ упоминать особенно объ Архелавъ, современникѣ Софистовъ, который также говорилъ о *δίκαιον νόμον*. Это есть не болѣе какъ отголосокъ ученія Софистовъ, если только слова *δίκαιον νόμον* не имѣютъ у Архелая совсѣмъ другаго смысла. Ср. Ritter's Gesch. der Philos. I, S. 332.

ПЕРІОДЪ ВТОРЫЙ.

Сократъ и его школа.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

СОКРАТЪ И ОБЩЕЕ ОБОЗРѢНІЕ ШКОЛЪ, ОТЪ НЕГО ПРОИЗШЕДШИХЪ.

§ 12.

Противъ субъективнаго, односторонняго начала Софистовъ возстаеъ *Сократъ*. Разумное Начало Анаксагора у Софистовъ есть не болѣе, какъ частный разумъ каждаго человѣка, взятаго въ отдѣльности; для Сократа оно имѣетъ значеніе Ума дѣйствительно Всеобщаго. Сей-то Всеобщій Умъ причиною того, что истинное, или прекрасное, или доброе есть истинно, прекрасно, добро само въ себѣ, и независитъ отъ особенныхъ представленій того или другаго лица. Сознавая вполнѣ, что одно только разумное имѣетъ цѣну, а неразумное само по себѣ никакой (а), Сократъ предчувствуетъ повсюду во внѣшней природѣ и въ человѣкѣ невидимое присутствіе Ума, дѣйствующаго по мудрымъ намѣреніямъ (б). Дабы опредѣлить по возможности свойства сего Ума, онъ указываетъ на явленія міра и въ особенности на установленія человѣческаго общества. Какъ разрушительныя правила Софистовъ были обращены противъ законовъ и нравовъ, то къ симъ же наиболѣе предметамъ и Сократъ прилагаетъ свое ученіе. Жизнь мудраго есть истинная цѣль человѣка (в); все, что дѣлаетъ мудрый, хорошо и не можетъ быть худо; напротивъ все, что дѣлаютъ люди безъ мудрости, худо и не можетъ быть хорошо; такимъ образомъ мудрость и добродѣтель есть одно и то же: вотъ истины, коимъ Сократъ вѣритъ отъ всего сердца (г)! Онъ вѣритъ притомъ непреоборимой силѣ ума и добра надъ человѣкомъ: люди

(а) Xenoph. Memor. I, 2. § 53—55.—(б) Ibid. IV, 3. § 13—14. cf. Plato Phæd. p. 97. Ss.—
(в) Xenoph. Memor. I, 2. § 53—55.—(г) Xenoph. Mem. III, 9 § 4 — 5. cf. Plato Phæd. p. 68; Arist. Magn. mor. I, 35.